

На звёздное небо вновь опустилась тишина. Мэн Хао не забыл о разбросанных по звёздному небу практиках царства Духа, проходивших испытания на мосту. Он не только помог, но и попросил других практиков позаботиться о них. Люди, ставшие свидетелями исчезновения Моста Поступи Бессмертных и возвышения Моста Парагона, по его просьбе начали рассылать младших практиков по своим сектам.

История подошла к своему логическому концу, Мэн Хао воздал своему благодетелю за добро. Не только были спасены Хань Шань и его жена, Мост Парагона Мэн Хао претерпел колоссальные трансформации. Сейчас Мэн Хао тепло улыбался Хань Шаню, пока в его голове проносились воспоминания об их встрече много лет назад.

Сперва Хань Шань растерянно крутил головой, но постепенно в его глаза вернулась ясность. Проснувшаяся жена поёжилась и безучастно огляделась. При виде своего мужа в этот пустой взгляд вернулась давно исчезнувшая теплота. Как если бы... куда бы ни закинула её судьба, какие бы тяготы ни выпали на её долю, пока рядом с ней Хань Шань... всё будет в порядке.

Хань Шань медленно поднялся и посмотрел на Мэн Хао. С признательностью в глазах он громко рассмеялся и спросил:

— Есть что-нибудь выпить?..

Мэн Хао с улыбкой взмахнул рукой. В руки Хань Шаню приземлился калабас с вином, который он отдал ему много лет назад. Хань Шань поднёс его к губам и сделал большой глоток. Опустив калабас, он серьёзно посмотрел на Мэн Хао.

— Мой юный друг, я никогда не забуду твоей доброты!

Он ничего не сказал про освобождение, благодарности были не так важны. Куда важнее было то, что он не ошибся, доверившись тогда Мэн Хао. Но самое важное было другое, теперь он задолжал Мэн Хао за две спасённые жизни. Этого Хань Шань никогда не забудет!

— В этом вопросе у меня не было выбора, старший брат Хань Шань, — Мэн Хао покачал головой. — Разве я не говорил, что обязательно сдержу слово?

Он смотрел на явно счастливых Хань Шаня с женой. Больше Хань Шань ничего не сказал, вместо этого он просто обнял Мэн Хао.

— Хватит об этом, брат, — сказал он, — запомни... если тебе понадобится помощь, мы с женой всегда откликнемся на зов. Вместе!

Пока оба мужчины смеялись, жена Хань Шаня со стороны за ними наблюдала, в её глазах отчётливо читалась признательность.

Вскоре пришло время прощаться. Мэн Хао предложил Хань Шаню с женой обосноваться на планете Южные Небеса и даже вручил им подходящие верительные бирки. У Хань Шаня даже мысли не возникло отказаться. Вернув жену, ему было без разницы куда отправляться. Раз планета Южные Небеса была домом Мэн Хао, Хань Шань с радостью согласился на его предложение.

Мэн Хао провожал пару взглядом, пока они не исчезли в сиянии перемещающего портала. Наконец он в последний раз взглянул на место, где совсем недавно парили обломки Моста

Поступи Бессмертных, после чего полетел в сторону другого перемещающего портала.

Следующая точка назначения никак не была связана со сбором долгов. Он намеревался посетить одну из пяти великих святых земель Мавзолея Палеобессмертного, где жил его... друг детства Толстяк. Правда теперь Ли Фугуя было сложно называть просто Толстяком. Сейчас он заслуженно мог носить новое прозвище... Большой Толстяк! Он стал настолько толстым, что его могли обхватить руками только четыре взрослых мужчины. Чрезмерная полнота никак не убавила в нём живости, а его зубы стали ещё острее. Мавзолей Палеобессмертного хорошо с ним обращался, поэтому он уже стал бессмертным. Что до его возлюбленных, их количество значительно увеличилось: со ста до пятисот!

Когда Мэн Хао прибыл в Мавзолей Палеобессмертного и озвучил своё желание повидаться с другом, к нему навстречу, словно шар, выкатился Толстяк. При виде округлого друга у Мэн Хао отвисла челюсть.

— Старший брат, ты... ты наконец решил навестить меня! — взревел Толстяк и по-медвежьи попытался обнять Мэн Хао.

К сожалению, короткие руки и очень толстый живот не позволили ему это сделать... От удара огромным животом Мэн Хао слегка запнулся и неловко рассмеялся. Шарообразная форма Толстяка слегка его беспокоила, но после проверки божественным сознанием он немного успокоился, его культивация была вполне удовлетворительной.

— Тебе стоит поменьше есть, — сказал Мэн Хао с натянутой улыбкой, когда тот повёл его вглубь Мавзолея Палеобессмертного.

Разумеется, секта не могла проигнорировать визит такого важного гостя, поэтому на официальную встречу пришли даже патриархи царства Дао. Мэн Хао погостил несколько дней, за которые он с Толстяком всё обсудили и повспоминали чудесные воспоминания далёкой молодости.

Как-то выпивая и болтая о том о сём, Толстяк внезапно начал плакать и признался, что очень скучает по родителям. Он даже несколько раз возвращался на планету Южные Небеса, вот только государство Чжао давно пропало, а вместе с ним все следы его родных. Глубоко внутри он прекрасно понимал, что его родители давно уже почили, а оставшиеся члены семьи разошлись каждый своей дорогой. И всё равно его снедала тоска, которая с каждым днём давила на него всё сильнее. Иногда ему даже начинало казаться, что его долгая жизнь и пышный гарем переставали иметь значение. Он... просто хотел ещё раз увидеть родителей.

При виде слёз Толстяка Мэн Хао тяжело вздохнул. Он мог лишь слушать своего друга да подливать ему в чашу вино. Судя по всему, у Толстяка уже очень давно не было возможности выговориться. Проплакавшись, Толстяк наконец рассмеялся и завёл разговор о секте Покровителя. Те времена были счастливейшими в его жизни. В один момент они вспомнили про торговую палатку, которую они вдвоём держали, отчего Мэн Хао не смог удержаться и громко рассмеялся, к нему почти сразу присоединился Толстяк со своим басистым смехом. К сожалению, в разговоре о секте Покровителя нельзя было обойти тему Сюй Цин...

— Ты знаешь, — со вздохом сказал Толстяк, — из нас четверых, кого старшая сестра Сюй забрала в секту Покровителя, Ван Юцай оказался самым свирепым. Ох, и наделал он шуму в Озере Заходящей Луны. Теперь они зовут его Дьявологлазый Убийцей. Он там настоящая знаменитость. Что до меня, я совсем ни на что не гожусь, хотя меня всё устраивает. Но ты, старший брат... о тебе можно даже не говорить, верно? Остаётся Дун Ху. Что стало с

парнишкой — загадка, он как сквозь землю провалился. Если так подумать, у сестры Сюй оказался весьма... намётанный глаз... Ах, да. Мэн Хао, помнишь пещеру на горе Дацин, и как ты пытался спустить нам лиану? Ха-ха-ха! Тебе тогда крупно повезло, ведь не окажись ты там, и тебя бы никогда не забрали в секту Покровителя...

Мэн Хао прочистил горло. Болтовня Толстяка разворошила давние воспоминания. Тогда после очередного провала имперских экзаменов он отправился на прогулку на гору Дацин, где предавался самобичеваниям о своей жизни. Тогда он даже представить не мог, как эта прогулка... круто изменит его жизнь! В тот день мир лишился учёного, и на его месте был рождён практик, а мир Горы и Моря обрёл своего будущего лорда!

Упоминание имени Сюй Цин напомнило ему о красной свадьбе, отчего его настроение резко омрачилось. Он рассказал Толстяку, что собирается за женой на Четвёртую Гору. От Толстяка не ускользнула подавленность Мэн Хао, поэтому он быстро взмахнул рукавом и подозвал стоящую вдалеке женщину. Она подошла, сложила ладони и поклонилась Мэн Хао.

— Старший брат, позволь тебе представить одну из моих возлюбленных. Это моя истинная любовь, Маленький Изумруд...

Мэн Хао улыбнулся и кивнул женщине. Поскольку Толстяк назвал её своей истинной любовью, Мэн Хао подарил ей магический предмет. Внезапно глаза Толстяка странно заблестели, прежде чем Мэн Хао успел опомниться...

— Старший брат, эта любовь всей моей жизни, Аленький Цветок...

— А это, старший брат, моя душа и сердце, Сахарок...

— Старший брат, это моя...

Толстяк по очереди представил Мэн Хао все пятьсот своих возлюбленных, умудрившись для каждой придумать ласковое прозвище. Мэн Хао перевёл взгляд с внушительной толпы женщин на Толстяка, на чьём лице играла лукавая и в то же время ликующая улыбка. С последней женщиной Мэн Хао было подумал, что с представлениями покончено, но тут Толстяк подозвал молодого человека.

— Почему ты не преклонил колени перед своим дядюшкой Мэн Хао? — гневно прикрикнул на него Толстяк, а потом с улыбкой повернулся к Мэн Хао.

— Это мой сын...

У Мэн Хао округлились глаза. Он слегка растерянно посмотрел на молодого человека, а потом опять на Толстяка, после чего с натянутой улыбкой подарил юноше магический предмет. Затем... Толстяк представил его трём сотням своих сыновей и дочерей... После этого...

— Старший брат, это мой внук...

Мэн Хао начал неметь. Он невольно проникся уважением к Толстяку за его способность не путаться в прозвищах всех своих возлюбленных, именах дочерей, сыновей и даже более сотни внуков. Самым невероятным открытием стало наличие у Толстяка правнуков... Хоть правнуки были ещё совсем малышами Мэн Хао не обделил и их подарками. Всё-таки одарив всех этих людей он не мог так просто остановиться.

Изначально он планировал остаться здесь на несколько дней, но уже на второй день решил

отправиться дальше. Его беспокоило, что в случае дальнейшего промедления с его стороны все тщательно собранные за многие годы сокровища могут перекочевать в карманы гигантской семьи Толстяка.

— Раз уж я не могу захватить Мавзолей Палеобессмертного, то пусть это сделают за меня мои потомки! — поделился Толстяк, провожая Мэн Хао. Озвучив своё великое устремление, его глаза загорелись причудливым светом.

Мэн Хао был вынужден отдать Толстяку должное, с его способностями у него были все шансы претворить свою мечту в жизнь.

— Ты уж постарайся, брат, — поддержал Мэн Хао и похлопал его по плечу. — Думаю, пятьсот возлюбленных, это отличный старт. Тебе стоит довести их число до пяти тысяч, тогда у тебя будет действительно внушительный клан! Только подумай, что будет, когда тысячи твоих детей и дочерей обзаведутся своими детьми... цифра будет просто астрономической...

Это было немного безответственно, но Мэн Хао всё равно не смог удержаться и подзадорил Толстяка. Глаза Толстяка загорелись, и он добродушно расхохотался.

— Вот почему ты старший брат. Блестящая идея! Я как раз думал о том, чтобы основать клан!

При виде пламени амбиций в глазах Толстяка Мэн Хао сухо покашлял и пошёл прочь. В их расставании не было горечи, только улыбки. Мэн Хао не упомянул о том, когда вернётся, а Толстяк не стал спрашивать. Оба обошли эту тему стороной. Когда пришло время прощаться, улыбка Толстяка померкла, и он сжал плечи Мэн Хао.

— Мэн Хао, мы братья... навеки!

— Навеки! — без колебаний согласился Мэн Хао.

Оба громко расхохотались, а потом отвернулись и пошли в разные стороны. Один возвращался в свою секту, другого ждала дальняя дорога...